

В. Н. Шульгин

МОНАРХИЧЕСКИЕ СОЧУВСТВИЯ РУССКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Рассматриваются течения русской консервативной мысли в пореволюционных эмигрантских кругах и в Советской России для исследования православного монархизма видных мыслителей и поэтов эмигрантской России и СССР в 20 – 50-е гг. XX в.

This article considers the trends of Russian conservative thought in the Soviet Russia and abroad. The subject of research is the orthodox monarchism of leading Russian thinkers and poets in the USSR and abroad in the 1920s-1950s.

Ключевые слова: свободный консерватизм, самобытничество, православный монархизм, отечественная консервативная традиция.

Key words: free conservatism, orthodox monarchism, Russian conservative tradition.

Крепитесь, верные содружники, Церковь и Царь...
М. Цветаева

Предмет исследования — русская свободно-консервативная традиция, развивавшаяся начиная с Карамзина и Пушкина, давшая жизнь славянофильству, почвенничеству, религиозной мысли Серебряного века. Речь идет о единой традиции. Ее поборники в XX в. хорошо сознавали свои идейные корни. П. Б. Струве, оказавшись в Париже, отметил одно существенное отличие русской революции от французской. Он писал в 1922 г., что во Франции XVIII в. революционный дух «безраздельно господствовал». В России же «... тот дух, который вдохновил революцию и воплотился в ней, не был отнюдь ни оригинальной... ни самой могущественной духовной силой». Дух русской культуры, выразившийся в творчестве Пушкина, Гоголя, славянофилов, Достоевского, Леонтьева, Вл. Соловьёва, Розанова восходит к духовному творчеству более ранних эпох и он «не есть дух русской революции» [19, с. 419—420]. Зрелый Струве сознавал свою укорененность именно в этой стержневой традиции, ключевой фигурой которой был Пушкин, «величайший русский идейный консерватор» [там же, с. 442].

Струве реабилитировал старину. Он был убедителен, поскольку прежде участвовал в «Освободительном движении». В 1923 г. политик писал: «... иностранцы... могут верить в легенду о “царизме” как злом гении русского народа. Но ни один русский человек... не может уже верить в эту легенду. *Русская революция ее окончательно опровергла*» [там же] (курсив авт. — В. Ш.). Прав А. В. Хашковский, заметивший: «Начиная с 1920 г. в политических взглядах Струве появляются явно выраженные монархические мотивы. <...> Великой России нужна сильная власть, опирающаяся... на национальные политические и религиозные традиции» [21, с. 338].

Позиции Струве были типичными для свободно-консервативных кругов зарубежья. В отличие от крайне правых они говорили о необходимости органического возрождения христианской государственности без «предрешения» ее формы. Монархия должна возникнуть спонтанно. Споря со сменовеховством («национал-большевизмом») и евразийством («православным большевизмом»), Струве настаивал: «Нам нужен спасительный духовный переворот. <...> У... духа, которым... должна возродиться Россия, нет никаких касаний к духу большевизма, духу низкой злобы и... гордыни, духу отрицания святых и уничтожения преемства» [18, с. 325].

Струве склонялся к монархизму, но был готов в 20-е гг. объединиться с патриотами-республиканцами, подчеркивая, что сам он — «... человек, не имеющий никаких республиканских чувств и бесповоротно... порвавший с социализмом...» Этими словами предварялась статья монархиста Л. Петрова «Реставрация смысла». Поддерживая его линию, отличавшуюся от «упростительства» старого «ничему не научившегося монархизма» Маркова 2-го, Струве одобрил постановку Петровым «идеи нации и государства выше всех... политических лозунгов и программ». Этот путь был наиболее желателен, поскольку только он «... на место советчины поставит Россию, ее исторический образ, ее национальное лицо» [17, с. 396—397].

Струве говорил о двойной задаче общенациональной борьбы. В 1929 г. он отмечал: «Сейчас... Россия приведена к необходимости завоевать себе обратно и экономическую, и гражданскую свободу». Решение этих вопросов может обернуться разными государственными формами, «... но

каково бы ни было это устройство, единовластие (монархия или диктатура) или народовластие (демократия)... Россия нуждается прежде всего в экономической свободе». Струве продолжал: «Кому бы ни принадлежала верховная власть... русские люди должны свободно дышать... свободно развиваться» [19, с. 416]. Непредрешенчество его не было «плюралистичным», поскольку он предпочитал либо монархическую государственность, либо национальную диктатуру. Струве в 20–30-х гг. постоянно стремился к «действенному объединению национальных сил», считая его главной задачей зарубежья. И здоровый «идеализм», по его мнению, был наиболее реалистическим методом, поскольку открывал белым в эмиграции истинное лицо их родины. Отмечалось, что «...без такой идеализации, которая есть не что иное, как требование от самих себя исторической памяти, нельзя возродить России», которая имела не только сильную власть, но и «...великую культуру, органически... выраставшую... под покровом государственности» [там же, с. 439–440].

А. В. Карташев, выдающийся представитель зарубежья, поддержал Струве. Он писал: «...в русской культуре явно вырисовывается... жажда нового синтеза гуманистического достояния античной и западноевропейской культуры с абсолютной правдой Православия». Именно «Пушкин дал нам живое слагаемое для искомого синтеза» [10, с. 132]. Дух русской культуры в течение всего XIX в. утверждал идею христианской государственности как истинного жизненного идеала. Оформилось «специально православное течение в русской культуре». Оно «настолько сильно и талантливо сложилось», что должно победить в новой, освобожденной от коммунизма России. Карташев спрашивал: «Будет ли русская культура религиозной, в смысле Гоголя, Толстого, Достоевского, старых славянофилов, Вл. Соловьёва, С. и Е. Трубецких, Леонтьева, Розанова и прочих наших живых современников? Какое же может быть в том сомнение! <...> ...Под стягом св. Владимира, нашего небесного заступника, завещавшего нам подвиг православной культуры, христианской государственности... мы победим» [там же, с. 133].

По Карташеву, русская монархия Петра I рухнула из-за своей противоречивой «половинчатой, полусветской, полуюропейской» сущности. Химерическое подражательное образование в значительной по масштабу России не могло продержаться долго. Отсюда проистекает задача нового христианского возрождения России. Карташев соглашался со славянофильской постановкой вопроса об особенностях отечественной государственности. В работе 1948 г. отмечалось, что славянофилы в противовес западному абсолютизму «...воскресили идею православного русского царства, в котором должен реализоваться, на началах подлинной христианской свободы, гармонический союз церкви и государства в лоне соборной стихии народа». Православие способно возродить поврежденную жизнь Советской России. Ведь даже в Синодальный период не уничтожились святость и благочестие [там же, с. 153, 172–182, 227].

Видим, что катастрофа 1917 г. не изменила установок свободного консерватизма. Идея Царства не вызывала сомнений. Глобализм, связанный с ростом обмирщения, только укреплял традиционную духовную ориентацию. Эмигрантское самобытничество исповедовало то же убеждение о правде отечественной православной цивилизации, какое вослед Пушкину и славянофилам было в 1848 г. высказано В. А. Жуковским в письме к П. А. Вяземскому: «Россия шла своим особым путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни... Две главные силы, исходящие из одного источника, властвовали и властвуют ее судьбою, они навсегда сохраняют ее самобытность... <...> Эти две силы суть церковь и самодержавие...» Особо Жуковский указывал на западный «эгоизм и мертвую материальность», заставляющие русских наконец выйти из плена подражательности. Поэт понимал, что Россия принадлежит к «составу» Европы, но настаивал на самостоятельном пути родины: «Святая Русь есть отдельная наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом». Наличие народной веры в святость Руси – подтверждение ее «исторической законности». Жуковский, аналогично Пушкину и Хомякову, был убежден, что необходимо «...на существующих добрых началах пересоздать чужую цивилизацию в собственную» [4, с. 2–4]. Т. е. он ставил типологически ту же задачу христианского возрождения, которая позже волновала пореволюционное консервативное зарубежье. С единственным отличием: в 1848 г. это было сделать легче, поскольку еще существовало христианское Царство, пусть и сильно поврежденное либеральным модерном.

Итак, задолго до революции свободные консерваторы предупреждали верхи об опасности отхода от собственных цивилизующих начал. Но власть их так и не услышала. Консерваторы после 1917 г. продолжали исповедовать христианский монархизм. Рассмотрим вклад Л. П. Карсавина и И. А. Ильина.

В 1923 г. Карсавин отмечал: «Православие мечтает о преобразении жизни... знает о невозможности отделить церковь от государства... знает, что все должно быть Церковью...» Царский путь – постоянный вектор развития Руси: «Царь – помазанник Божий и глава Церкви в эмпи-

рическом бытии ее; “царство” благословляется православием, как наилучшая власть... хотя оно в эмпирии и может остаться лишь абсолютным заданием». Он призывал церковь хранить «потенциал» старых истин, возродить православную симфонию. Пример Карсавина показывает, что никакие академизм и эрудизм не должны отрывать от жизни. Наука теряет свою идею, когда впадает в «плюралистичное» равнодушие, производя информационный шум. По Карсавину, «арелигиозное государство» либерального типа обессиливает себя. Даже «...большевистская государственность выше тем, что живет религиозною, хотя и искаженною идеею...» Мыслитель указал на историческую ошибку Церкви, принявшей «равнодушно» крушение самодержавия в 1917 г.: «Церковь должна была указать, что невозможно русское неправославное государство... с президентом, парламентаризмом... более приличествующими врагам Божиим, что немисливо, наконец, “отделение” церкви от государства». Церковь должна жертвенным служением звать мир к воплощению этой истины. Важнейшая мысль Карсавина состоит в том, что цивилизационная парадигма России неуничтожима. В революционный период народ заволновался и в соответствии с православным менталитетом стал «мечтать о Царстве Божием на земле». Он назвал его социализмом и пошел к нему кровавым путем. А в это время «...церковь искала какой-то остров блаженных, куда бы не доносились звуки борьбы, и готова была верить, что может... не отвечать на исступленно задаваемые ей вопросы. Да разве может церковь в такие “минуты роковые” не действовать?» [9, с. 353–354, 357] (выделено мною. — В.Ш.).

В 1927 г. Карсавин вновь заявил о «религиозном оправдании» русского самодержавия, хотя несколько изменил акценты. Правильно организованное государство должно иметь «церковный смысл и значение». Этот принцип «нужно выдвигать в противовес... атеистическому принципу отделения Церкви от государства». В случае отказа от основополагающей идеи христианской государственности церковь с неизбежностью будет вынуждена отказаться от своей сущности. Мыслитель говорил: «...нет ничего, что бы не могло и не должно было стать церковным» [там же, с. 402, 412–413]. В другой работе он вновь возвращался к идее христианской государственности в качестве вечного задания, говоря о монархии как возможном варианте [там же, с. 431]. Призыв Карсавина к верности православию не был пустым словом. Он умер исповедником, закончив земные дни в северном лагере после окончания Великой Отечественной войны.

Н. А. Бердяев и С. Л. Франк обратили внимание на метафизическую сторону проблемы, придя к выводу, что русская государственность не должна отказаться от своего христианского облика. Не может быть забыта истинность коренных начал жизни и правда прошлых поколений. Посему они видели в восстановлении конституционной монархии необходимую цель будущей России [15, с. 64–65, 70–73, 98–103, 408–414].

Чрезвычайно ценно наследие И. А. Ильина. Он также склонялся к *непредрешенчеству*, хотя был монархистом, отвергшим постулаты либерального секуляризма. Раз христианская государственность отлилась в историческую форму православной империи Третьего Рима, то и политический вектор возрождения должен быть направлен на воссоздание этой истинно царской формы. В работе «О сопротивлении злу силою» (1925) он писал: «...следует заботиться не об отделении церкви от государства... а об их верном сочетании...» Воинское начало государственности, воплощенное в царе, органически уравнивается церковным началом монашества. Так достигается возможная на земле полнота бытия. Самый меч монарха «становится *огненною молитвою*» (здесь и далее курсив авт. — В.Ш.). По Ильину, эта субстанция православной цивилизации неизменна. Мыслитель писал: «Древнерусская православная традиция верно и глубоко разрешала вопрос о соотношении церкви и государства — в разделении их сфер и в органическом согласовании их целей и их усилий...» [5, с. 130, 131].

Ильин разделял убеждение русской и западной мысли новейшего времени о необходимости «нового Средневековья» (Н. А. Бердяев, И. Хейзинга). Это следует помнить, невзирая на все частные споры между отдельными консерваторами. Их объединяла вера в русскую самобытность и отвержение либерального секуляризма. Отсюда проистекал их монархизм. Ильин в работе 1930-х гг. отмечал, что христианство, раз слившись с государственностью, не может от нее отделиться без ущерба правде и праву: «...христианин... впитал в себя бессознательную уверенность в том, что человек должен подавлять в себе... честолюбие, жадность, вражду... Его правосознание уже привыкло рассматривать эти влечения как *греховные*... <...> ...Человек понял, что *право есть начало мира*. Христианство вносило в душу дух *миролюбия*...» Отсюда истинность монархизма, опирающегося на это правосознание. Ильин писал: «...государство имеет религиозную задачу — служить своею властью *Божьему делу* на земле... <...> ...Государство понимало религиозно свою высшую цель...» [6, с. 248]. Видим, что у Ильина, как ученика П. И. Новгородцева, в размышлениях о христианской государственности доминирует правовой подход. В последней крупной работе, «Путь к очевидности» (1954), Ильин, имея в виду политическую будущность России, заметил:

«...глупо и гибельно вовлекать народ с монархическим правосознанием в республику, которая ему чужда...» [там же, с. 360].

Подход Ильина весьма актуален. Он развивал его в цикле научно-публицистических статей «Наши Задачи» (1948–1954), предвидя крах коммунизма в СССР. Он понимал, что после войны 1941–1945 гг. встанет проблема выбора жизненных целей. Дело осложнится враждебностью Запада к России. Чужестранцы почувствуют опасность ее возрождения. Европа и Америка опять закричат о «полуварварском» характере страны, которую нужно «...обратить в католичество, “колонизировать” (буквально) и цивилизовать», т. е. «всячески ослаблять», а делать это посредством вовлечения «в разорительные... войны», «...недопущением к свободным морям; если возможно – то расчленением ее на мелкие государства... сокращением ее народонаселения... <...> ...Навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма... <...> ...Обличением ее мнимого “империализма”, ее мнимой “реакционности”, ее “некультурности” и “агрессивности”». Для нас важна и уверенность философа в творческих возможностях России, которая может преодолеть все велиарово сопротивление павшего мира. Ильин учил не ждать сочувствия и симпатии со стороны стран Запада: *«В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди – враждебные России, особенно православной России... <...> ...Мир изобилует “русофобами”, врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать... до конца»* [7, кн. 1, с. 66] (курсив авт., выделено мною. – В.Ш.).

Отсюда проистекала мысль о необходимости восстановления собственной христианской государственности (возможно, и через промежуточные формы). В 1952 г. он набрасывает ряд основополагающих принципов «будущего русского государственного устройства», исходя из того неперемного условия, что «это устройство мы отказываемся мыслить себе как республиканское». Ильин так формулирует статью №1 новых Основных Законов России: «В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим промыслом в веках вемое, Российское Государство утверждает как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов» [7, кн. 2, с. 81]. Таким образом, свободно-консервативная мысль зарубежья продолжала во второй половине XX в. доказывать истинность и правомерность русской христианской государственности.

В самой растерзанной России уцелевшие православные интеллектуалы также размышляли о судьбах государственности. Показателен пример священника Павла Флоренского. Находясь в заключении, он в 1933 г. направляет властям свои размышления о «предполагаемом государственном устройстве в будущем». Философ не мог открыто агитировать за христианскую государственность, но намеревался повлиять на эволюцию советской системы для постепенного ее оздоровления именно в данном направлении. В «снятом виде» сознание проблемы присутствует в его записке. Флоренский отталкивается «от противного». Это позволяет догадываться, какие политические цели мог ставить православный ученый и священнослужитель. Он критиковал неустойчивое «цивилизационное двоевластие» петербургской России и либеральную цивилизацию Запада: «Бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с различных сторон, уничтожают государство» (правильно организованное царство). Философ выступил за развитие нового монархизма, который не смешивает цели и средства жизни. Истинная государственная задача состоит в том, чтобы в отличие от либерально-демократической системы «направить людей к задачам неактуальным к индивидуальному интересу». Запад России не пример. Он находится в цивилизационном тупике: «Политическая свобода масс в государствах с представительным правлением есть обман... но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство». Это приводит к «расслаблению целого». Флоренский сравнивает политическую сферу с математикой и медициной, говоря, что дело государственного управления – элитарное. Поэтому в Советской России, которая должна идти по пути самобытного развития, вождь-правитель должен «решать все сам», призывая к совещательной работе как корпорации специалистов, так и отдельных интеллектуалов [20, с. 647–649] (выделено мною. – В.Ш.). Из этих слов видны неизменные идейные составляющие всей русской свободно-консервативной мысли: указание на принципиальную самобытность монархической России и гибельность для нее либеральной *великой лжи нашего времени*.

Таким образом, пореволюционная русская консервативная мысль продолжала сохранять все основные элементы своей традиционной парадигмы, важнейшим из которых было убеждение в необходимости развития христианской государственности. Даже С.Н. Булгаков, долго не веривший в возможность восстановления монархии в России, выступал против распространения принципов демократии в церковной среде. Демократия – это «...природное человечество в греховном его со-

стоянии, иногда просветляющееся... порою же принимающее образ звериный». Говоря это, он ставил, по сути, задачу обретения христианской государственности, правда, не в виде установления традиционного самодержавия, а в форме подчинения демократии принципам Святой Руси. Если этого не получится, восклицал он в 1917 г., то «...кому она нужна, кому из нас дорога будет отрешаяся от Христа Россия?» [1, с. 5].

Поэты и писатели по-своему передавали глас русской христианской души. М. Волошин, написавший трагический цикл стихотворений «Россия распятая», так прокомментировал свои апокалипсические чувства: подобно Пушкину, Чаадаеву и Хомякову, он утверждал об «особой предназначенности России», утвержденной Богом. Русское величие, пространственное и духовное, предполагает неизменность соединения двух начал, безграничной анархической свободы и «железного обруча» власти. От них нельзя отказаться и вредно стремиться к такому отказу. Свобода необходима для развития культуры, «империя же ей [России] необходима и как щит». Вывод его таков: «Равнодействующей этих двух сил для России было самодержавие». Пример большевиков, по мнению Волошина, подтверждает органичность самодержавия для России. Поэтому поэт уверен, что и в будущем «Россия будет единой и останется монархической», невзирая на те формы, какие примет ее социально-экономический строй [2, с. 10–13].

Марина Цветаева в цикле «Лебединый стан» (1917–1921 гг.) также выступила православной сторонницей монархизма. Она писала, что после революции «заблудился ты, церковный звон», несомненно имея в виду потерю «симфонического» равновесия в системе царство-церковь (царство оказалось «рассыпанным», как образно выразился В.В. Розанов в 1918 г. в своем «Апокалипсисе...»). Поэтесса призывает «церковную Россию» помолиться за здоровье «царевича младого Алексия», понимая, что он может ждать от новой демократии лишь заклятия. И высказывает уже после убийства царской семьи веру в восстановление православного царства: «Кропите, слезные жемчужинки, / Трон и алтарь. / Крепитесь, верные содружники: / Церковь и Царь! / Цари земные низвергаются. / — Царствие! — Будь! / От колокола содрогаются / Город и грудь» [22, с. 2–4].

Сказанное позволяет сделать вывод о наличии в русском самосознании XX в. (в свободном зарубежье и подъяремном отечестве) устойчивого мировоззренческого комплекса, связанного с верой в необходимость и насущность для России христианско-монархической государственности. Так, русская свободно-консервативная мысль продолжила традицию, заложенную в начале XIX в. Карамзиным и Пушкиным.

Последние десятилетия в России свидетельствуют о возвращении проблемы христианской государственности в круг обсуждаемых научных вопросов. Например, А.В. Назаренко и Н.Н. Лисовой обратились к идее христианской империи как к вековой истине русско-византийской цивилизации (см.: [11–13]). Об этом же свидетельствует развертывающееся православно-церковное движение, направленное на возрождение Царства (см.: [14]). Рассмотрение трудов представителей зарубежья, равно и выявление аналогичных сочинений классиков консерватизма в самой России, поможет прийти к тому творческому синтезу, который необходим для нашего духовного и государственного возрождения.

Список источников и литературы

1. Булгаков С.Н. Церковь и демократия // Библиотека думающего о России. URL: <http://www.patriotica.ru>
2. Волошин М. Россия распятая // Библиотека думающего о России. URL: <http://www.patriotica.ru>
3. Грунтовский А.В. Народность как онтологическая сущность нации // Православие и патриотизм: матер. науч.-практ. конф. Собора православной интеллигенции во имя Святого Преподобного Серафима Вырицкого. СПб., 2004.
4. Жуковский В.А. Святая Русь (письмо к кн. П.А. Вяземскому) // Библиотека думающего о России. URL: <http://www.patriotica.ru>
5. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Его же. Путь к очевидности. М., 1993.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. Кн. 1; 2.
8. Казин А.Л. Россия и свобода // Православие и патриотизм: матер. науч.-практ. конф. Собора православной интеллигенции во имя Святого Преподобного Серафима Вырицкого. СПб., 2004.
9. Карсавин Л.П. Путь Православия // Малые сочинения. СПб., 1994.
10. Карташев А.В. Св. великий князь Владимир... // Его же. Церковь, история, Россия. М., 1996.
11. Лисовой Н.Н. Патриарх в Империи и Церкви // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4.
12. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2000.
13. Назаренко А.В. Русское самосознание: между Царством и Церковью // Москва. 2000. №12.
14. О канонизации Государя Императора Николая II: сб. ст. и документов науч.-богословской конф. / ред. Е.В. Марьянова. М., 1999.

15. *Русское зарубежье*. Л., 1990.
16. О. Захаров А. О монархии и народоуправстве: доклад на региональном Невском Земском Соборе. СПб., 1999.
17. Струве П. Б. Дневник Политика (1925–1935). М.; Париж, 2004.
18. Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее // Его же. Избранные сочинения. М., 1999.
19. Струве П. Б. Россия // Его же. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
20. Флоренский П. Сочинения: в 4 т. М., 1996. Т. 2.
21. Хашковский А. В. Пётр Бернгардович Струве // Струве П. Б. Patriotica: Россия, родина, чужбина. СПб., 2000.
22. Цветаева М. Белогвардейские стихи. Таруса, 1990.

Об авторе

Владимир Николаевич Шульгин — д-р ист. наук, доц., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

Author

Dr. Vladimir Shulgin, IKSUR, Associate Professor, e-mail: shulgin_vladimir@mail.ru